

Чжэгутянь.

Государство Ваннань, место, что ближе всего к небесам.

— М-м...

Тихий вздох вырвался из горла, а на входе в легкие хлынула ледяная вода.

Су Сы задержал дыхание и открыл глаза. Пальцы слегка сжались, ощутив твердую, лишенную острых краев поверхность. Под рукой оказались галька, давно обточенная водой.

До боли знакомый пейзаж.

Всего несколько мгновений — и Су Сы осознал, где находится. Он в Чжэгутяне, на дне Прохладного пруда.

Мелкие капли дождя нарушали покой водной глади. Су Сы взглянул вверх: серое небо казалось изорванным дождевыми потоками.

Он медленно выдохнул, и его черные волосы, словно полосы тончайшего шелка, плавно заструились в воде.

Оттолкнувшись кончиками пальцев, Су Сы разрезал водную толщу и устремился к берегу.

Волосы до пояса, на теле ни единой нити одежды.

Глядя на собственное отражение в воде, Су Сы задумчиво потер фалангу указательного пальца.

Человек в воде — это он: персиковые глаза, родинка-слезинка под левым глазом, тонкий прямой нос, а на самом кончике — крошечная черная отметина.

Не вселение в чужое тело, не перерождение в ином облике.

— Возвращение к жизни? — прошептал он. — И это досталось мне?

На губах Су Сы заиграла насмешливая улыбка. Ступая босыми ногами по сухим веткам, он направился к своему жилищу на вершине горы.

Взгляд скользнул по краю Прохладного пруда.

Картина его собственной смерти, казалось, ожила вновь. Кристально чистая вода пруда окрашивается в ослепительно-алый цвет, а он, Су Сы, с улыбкой на губах наблюдает, как Сюй Сун вонзает его же кинжал ему в сердце.

Холодную, пронзительную боль он помнил до сих пор.

— А теперь скажи, что ты любишь меня.

Воспоминания оборвались на этом месте. Он так и не смог вспомнить, ответил ли ему Сюй Сун.

Впрочем, для нынешнего Су Сы это было уже неважно. Раз он забыл, значит, это ничего не значит.

Добравшись до спальни, где он привык обитать, он не обнаружил никаких изменений. На мгновение Су Сы даже охватило странное чувство: казалось, стоит обернуться, и он увидит Сюй Суна, лежащего на татами с холодным блеском в глазах.

Он усмехнулся и вытащил из шкафа алое одеяние, на котором почти не было пыли. Застегивая пуговицы, Су Сы отчетливо увидел шрам от кинжала на груди.

Он на мгновение нахмурился. Это необъяснимое воскрешение вызывало вопросы.

В прошлой жизни он почти все время выполнял задания для Павильона Мороза и Снега, и это была самая грязная работа, которую только можно представить.

Наемных убийц в павильоне было немало, поэтому у организации существовало строгое правило: как только киллер начинал свой путь, в его тело подсаживали особого гу-червя.

Если убийца погибал, гу-червь мгновенно превращал тело в труху. Это делалось для того, чтобы останки не подвергались поруганию, своего рода дань уважения усопшему.

Пока он не увидел шрам, Су Сы думал, что обрел новое тело. Но теперь стало ясно: его догадка была неверна.

Он действительно умер, но почему не рассыпался в прах? Неужели из-за того, что был лучшим убийцей в рейтинге Павильона Мороза и Снега? Вряд ли.

Су Сы не мог найти ответ, но не спешил. Он найдет причину со временем.

А сейчас у него было лишь одно желание — встретиться с Сюй Суном.

Однако явиться к нему в открытую нельзя, нужно замаскироваться.

В прошлом у Су Сы было прозвище, внушавшее ужас — Ци Чжусян. Все было просто: с момента получения заказа до доставки головы цели обратно в Павильон Мороза и Снега проходило не более семи палочек благовоний.

Конечно, это были лишь слухи: если цель находилась в другой стране, уложиться в такой срок было невозможно.

Кроме того, в цзянху ходила поговорка: «За убийство, совершенное Ци Чжусяном, просят цену, превышающую стоимость целого города».

И в этом была доля правды: у Су Сы было денег хоть отбавляй.

В подземном хранилище Чжэгутяня хранилось множество сокровищ. Порывшись среди диковин, Су Сы наконец нашел то, что искал.

Акулья кисея.

По преданию, это кожа девственниц из подводного племени акулолюдей. Ее необходимо сдирать заживо и выдерживать в живой крови сорок девять дней, после чего она превращается в красную ткань, тонкую, как крылья цикады. Изнутри мир через нее виден отчетливо, а снаружи разглядеть что-либо невозможно.

Когда Су Сы получил эту вещь, он счел ее бесполезной. Он не любил крови, не увлекался бессмысленными убийствами, и у него не было возлюбленной, которой можно было бы сделать

подарок. Ткань пылилась долгие годы.

Кто бы мог подумать, что безделушка, призванная радовать знатных девиц, пригодится ему именно сегодня.

Сложив кисею вдвое, он накинул ее на глаза. Красная дымка мягко легла от век до кончика носа, скрывая две самые приметные родинки на его лице. От ткани исходил тонкий, прохладный аромат воды, от которого клонило в сон.

Су Сы взглянул на себя в бронзовое зеркало, потер фалангу указательного пальца, развернулся и направился вниз с горы.

Красное одеяние, которое было на нем, Сюй Сун видел тысячи раз, днем и ночью. Если явиться в нем на гору Туояо, это будет все равно что написать свое имя у себя на лбу.

Какими бы ни были их чувства друг к другу, оба они были слишком хорошо знакомы с каждой деталью облика другого.

Чжэгутянь и гора Туояо располагались в Аньлю, столице государства Ваннань, где находилась императорская резиденция, но на разных концах города.

В воспоминаниях Су Сы Аньлю был богатым и спокойным городом. Это была одна из важных причин, почему он выбрал для жизни Чжэгутянь: шум и суета внизу, полные жизни, которой не было в нем самом.

«Жизнь питает людей».

Эту фразу Су Сы услышал в детстве, но тот, кто ее произнес, был уже мертв.

Су Сы вырос сиротой. С тех пор, как он начал себя помнить, он жил в Монастыре Цзиань — государственном храме, который веками служил императорскому дому и проводил важнейшие ритуальные церемонии.

В детстве его опекал настоятель, но Су Сы так и не стал монахом. Воспоминания о тех годах были размыты, лишь одно врезалось в память навсегда.

В канун Нового года, когда ему было пять лет, Монастырь Цзиань был залит кровью группой людей в черном. Настоятель, оберегавший его, был обезглавлен на месте. В тот самый миг, когда Су Сы должны были убить, ворвался другой отряд людей в черном. Завязалась схватка, и пришедшие одержали верх.

Один из них направился к Су Сы. — Мы — Павильон Мороза и Снега. Мы спасли тебя, и теперь ты должен отплатить нам — своей жизнью.

С того дня Су Сы оказался заперт в Павильоне Мороза и Снега. Его жизнь превратилась в нескончаемый ад: из одной ночи кошмаров он шагнул в бесконечную череду таких же ночей.

Дождевые капли забарабанили по лицу, вырывая Су Сы из омута воспоминаний. Он обвел взглядом улицу: прохожих было совсем мало, и это место ничем не напоминало шумный и процветающий Город Аньлю, каким он его помнил. Даже лавка готовой одежды была приоткрыта лишь на крошечный проем — если не присматриваться, можно было подумать, что

она закрыта для посетителей.

Су Сы толкнул дверь и вошел внутрь.

— Мне нужно что-то вроде того красного цвета, что на мне сейчас. Выбери вещь.

Лавочник, тщедушный мужчина средних лет, услышав голос Су Сы, весь затрясся, а его речь стала невнятной.

— Господин... Я... я сейчас, всё принесу, сию минуту. Вы, вам не нужно платить, не нужно...

Су Сы промолчал, лишь недоуменно стоя на месте. Лавочник прошел в заднюю комнату, и сквозь дверь Су Сы отчетливо слышал его разговор с кем-то еще.

— В красном... снаружи пришел человек в красном, от него так и веет миром боевых искусств, а вдруг это Ци Чжусян?..

— Тьфу на тебя! Не болтай ерундой. Если бы это был он, ты бы уже покойником был! — отозвался женский голос. — Небо сменило правителя, и за эти годы всё пошло кувырком. Людей, бродящих по свету, полным-полно. Теперь что, любой в красном — это Ци... этот самый человек?

— Но ведь совсем недавно, совсем недавно Ци Чжусян убил троих в Городе Аньлю, я правда... — голос лавочника дрожал от страха, словно он был готов наложить в штаны.

— Я краем глаза глянула — он же слепой! Прикуси язык. Вот тебе одежда, неси скорее тому господину. Продадим эту вещь и закрываемся!

Раздалось шуршание ткани — судя по всему, женщина сунула лавочнику одежду. Су Сы задумчиво потер сустав указательного пальца.

Небо сменило правителя? И когда это успел появиться самозванец? Неужели Павильон Мороза и Снега это игнорирует?

Забрав одежду, Су Сы отгородился ширмой и переоделся. Он положил на прилавок слиток серебра.

— Скажи мне, какой сейчас год, месяц и день?

Лавочник снова затрясся так, что едва не рухнул на колени, открывая и закрывая рот, но не в силах произнести ни слова. Су Сы положил еще один слиток.

— Говори.

В этом единственном слове сквозил холод, словно голос доносился из самого ада. Дверь в глубине лавки со скрипом отворилась, и та самая женщина поспешно вышла наружу. Она выразительно взглянула на лавочника и натянуто улыбнулась.

— Господин, сейчас восьмой год правления Мингуан, пятнадцатое число седьмого месяца.

— Мингуан, — повторил Су Сы. — Кто сейчас на престоле?

Женщина на мгновение остолбенела. Они с лавочником переглянулись и попятились на пару шагов.

— Мы, ничтожные, не смеем... не смеем обсуждать...

— Говори.

Су Сы достал мешочек с монетами и с тяжелым стуком бросил его на стол. Женщина и лавочник вздрогнули, их терпение лопнуло, и они повалились на колени.

— Его... Его Высочество, князь Цин...

Ли Шухань. Су Сы не ожидал этого, впрочем, в прошлом он никогда особо не интересовался делами при дворе.

— Сколько времени прошло с тридцать восьмого года правления Хуэйтун?

— Десять... десять лет... — пролепетал лавочник, дрожа всем телом.

Су Сы больше не стал спрашивать.

— Заверни мне еще вот эти две вещи.

Он указал на красное и черное одеяния. Собираясь на Гору Туояо, лучше всё же надеть черное — так надежнее.

Выйдя из лавки, Су Сы увидел группу людей в синих халатах. Они были вооружены мечами, а на поясах висели таблички с иероглифом Луна. Секта Приходящей Луны? Забирают товары, не платя за них — неужели эта мелкая секта стала такой властной? Глаза Су Сы на мгновение сузились. Похоже, времена действительно изменились.

Покинув город, Су Сы направился к густому лесу. Слегка оттолкнувшись носками, он взмыл вверх, черные волосы развевались на ветру. Его мастерство цингун достигло невероятных высот, и меньше чем через палочку благовоний он оказался у подножия Горы Туояо.

Там была вывешена табличка с объявлением. Су Сы усмехнулся: они набирают новых учеников раз в двадцать лет, так что он выбрал идеальное время для своего возрождения.

Встав в конец очереди, Су Сы размышлял об услышанном. Кто этот фальшивый Ци Чжусян? Почему Павильон Мороза и Снега бездействует? Он чувствовал, что здесь скрывается немало хитросплетений, о которых он пока не знает, и в этом следовало разобраться.

Когда солнце начало клониться к закату, Су Сы наконец дошел до Платформы Падающих Облаков. Юношу, записывавшего имена, он узнал — кажется, это был Ю Чжоу, личный ученик старейшины Бая.

— Прошу прощения, если вы не видите, — Ю Чжоу посмотрел на Су Сы.

— Я вижу. У меня болезнь глаз, просто не переношу яркий свет, — не моргнув глазом, ответил Су Сы.

— В таком случае... мне нужно доложить об этом Третьему старейшине. Подождите здесь.

Ю Чжоу сложил пальцы в печати, и поток бессмертного тумана устремился к вершине Горы Туояо. Су Сы прекрасно знал, куда направляется туман. Во Дворец Санье. Там жил Сюй Сун, и в свое время, будучи его учеником, Су Сы прожил там целый год. Теперь до него было рукой подать.

— На сегодня всё. Остальные, кто не успел, приходите завтра.

Толпа с разочарованным ропотом начала рассеиваться. Су Сы смотрел в сторону Дворца Санье, чувствуя тяжелое волнение. Это нельзя было назвать ожиданием, скорее, какой-то радостной дрожью.

— Прошу, подождите еще немного.

Не успел Ю Чжоу закончить фразу, как бессмертный туман вернулся, принеся ответ.

— Нельзя.

Два слова, которые он так долго не слышал. Этот голос был холодным, словно вода в глубоком пруду под зимним льдом.

— Прошу прощения, — Ю Чжоу поклонился.

— Можешь идти, — Су Сы слегка потер сустав указательного пальца. Он понимал, что в следующее мгновение Ю Чжоу снова начнет творить заклинание для передачи сообщения.

Так и произошло. В тот самый момент, когда Ю Чжоу собирался ответить «есть», Су Сы негромко произнес:

— Нельзя?

В этот голос он вложил свою внутреннюю энергию. Звук обволол бессмертный туман, и Су Сы был уверен: Сюй Сун его услышит.

В тот же миг во Дворце Санье на Горе Туояо бессмертный туман пронесся мимо и исчез, не оставив следа. Сюй Сун, сжимавший в руках старинный свиток, замер. В одно мгновение чернила на бумаге расплылись, окрашивая ее в черный цвет.

<http://bllate.org/book/21323/2163180>